

КЭТ УИНТЕРС

История Ворона

Москва
2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
УЗ7

Cat Winters
The Raven's Tale

Copyright © 2019 by Catherine Karp

Перевод с английского *Александры Самариной*
Художественное оформление *Анастасии Ивановой*

Уинтерс, Кэт.

УЗ7 История ворона / Кэт Уинтерс ; [перевод с английского А. Самариной]. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-104685-9

Она таится во мраке и прячется в пламени камина. У нее много обличий и имен. Она является ему в образе девушки с бледной кожей и волосами цвета воронова крыла. Она хищным взглядом наблюдает за ним. Она — муза, которая скрывается в глубинах его разума. Но что, если однажды она обретет плоть и кровь?

Он — семнадцатилетний Эдгар По. Ему не терпится покинуть родной город и уехать учиться в университет. А еще — поскорее жениться на юной красавице Эльмире. Но ее семья против брака, ведь Эльмира и Эдгар слишком молоды. К тому же отец юноши хочет лишить сына средств к существованию, чтобы тот не смог учиться и сочинять стихи.

И однажды юный поэт выпускает на свободу свою музу, совершенно не подозревая, что его ждет.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Самарина А., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-104685-9

Посвящается всем юным мечтателям на свете.

Astra inclinant, sed non obligant¹.

¹Звезды склоняют, но не принуждают (лат.). — Здесь и далее примеч. перев., если не сказано иное.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В ОЖИДАНИИ ОТЪЕЗДА ИЗ РИЧМОНДА, ШТАТ ВИРГИНИЯ

— 5 ФЕВРАЛЯ, 1826 ГОДА —

*Так юн, но здрав умом едва ли,
Я стал любовником печали...¹*

— ЭДГАР АЛЛАН ПО, «Введение», 1831

¹Пер. В. Брюсова.

ГЛАВА 1

Эдгар

— **Д**оброе утро, дамы и господа! — говорю я в своем воображении с кафедры у розоватого алтаря нашей церкви. — *Меня зовут Эдгар Аллан По, и сегодня, по не вполне понятным и мне самому причинам, все мысли мои — о семидесяти двух телах, погребенных под нами.*

Не забывайте, мои дорогие друзья, — продолжаю я в той же зловещей манере, — что прямо у вас под ногами покоится жутковатое собрание костей, зубов и праха, как бы вы ни пытались позабыть о столь ужасных обстоятельствах. Даже в это солнечное февральское утро, когда ваши сердца охвачены евангельской радостью, жертвы страшного пожара в Ричмондском театре — точнее, останки этих несчастных — пребывают рядом с вами, истлевая в общей могиле.

А потом я приподнимаю шелковую шляпу, улыбаюсь самой что ни на есть скромной улыбкой и говорю:

— *С воскресным днем, дорогие друзья!*

Глубоко под половицами, поскрипывающими под моими ногами, в утробе Монументальной Церкви, стоит кирпичный склеп, в котором захоронены останки всех семидесяти двух жертв жуткого пожара в Ричмондском театре 1811 года. Я опускаюсь на колени рядом со своей приемной матерью, у скамьи семейства Алланов, и бесшумно шевелю губами, сложив ладони

под подбородком. Я читаю молитву, но мысли мои юр-кают в трещины в полу и просачиваются в эту подземную могилу, в которой до сих пор стоит едва уловимый запах пепла.

Злосчастный Ричмондский театр стоял на этом самом месте. Жертвы пожара дышали тем же воздухом, какой теперь вдыхаю я. Я и сам бы мог погибнуть вместе с ними, если бы моя мать, актриса, не умерла от болезни за восемнадцать дней до трагедии и если бы двое незнакомцев — супругов Алланов — не увезли меня, ребенка, которому тогда не было и трех лет, из города в свой дом на Рождество.

Затылок покалывает от внезапного ужаса. Я не открываю глаз, но чувствую, что за мной кто-то наблюдает, скрываясь в тенях у желтовато-розовых церковных стен. Да, за мной наблюдает *она* — девушка с волосами цвета воронова крыла, в платье, сотканном из нитей цвета пепла и сажи; на вид она моя ровесница — ей лет семнадцать, не больше. Она, вместе с десятками других юных девушек, оказалась в западне, когда пожар охватил узкие театральные коридоры, и ее, как и десятки других, топтали ногами мужчины, спешно покидающие свои ложи. Ноздри пощипывает от нестерпимого запаха дыма и жжёных девичьих волос.

Вот! Вот опять! Подпаленные волосы... и дым! Боже правый! Черный, обжигающий дым, который забивается в горло, сдавливает грудь, душит...

— Эдгар! — громким шепотом зовет меня моя приемная матушка.

Открываю глаза и понимаю, что матушка и вся паства уже расселись по местам, а сам я дышу громко и судорожно. Все мышцы в моем теле напряжены.

Матушка легонько похлопывает по жесткой скамейке и шепчет:

— Молитва окончена. Поднимись с пола, прошу тебя.

Поспешно встаю с колен. Подошвы моих башмаков издают неприятный, резкий скрип, и судья Брокенбро, сидящий напротив, поворачивается ко мне и недоволь-

но хмурится, будто злобная старая форель. Вновь опускаюсь на скамью, а Его Преосвященство епископ Мур начинает свою проповедь с высокой кафедры, своей формой напоминающей бокал, — форма эта, должен заметить, отчасти является причиной невоздержанности в вине, приступ которой случается каждый раз у его паствы после воскресной службы.

— Отриньте пышность и суету этого мира, объятого злом! — возгласил епископ, и его белоснежные волосы подскочили на плечах. — Не слушайте муз, что таятся во мраке или чудятся в пламени камина и внушают вам мирское вдохновение, околдовывают ум похотью и праздными стремлениями, уводящими вас с пути милосердия, благочестия и смирения!

Матушка шумно сглатывает, а мой бывший одноклассник, Нэт Говард, мой соперник в мире поэзии, сидящий по другую сторону от прохода между рядами скамеек, поворачивается ко мне и выразительно поднимает брови, словно спрашивая: «Ну вот опять он за свое. Сколько можно?»

Кладу руки на колени, крепко сцепляю ладони и стискиваю зубы, готовясь к очередной тираде о вреде искусства.

— На заре нашего детства, — продолжает епископ чуть тише; на его широком лбу поблескивают бисерины пота, — посреди шумных игр и сказок сладостные голоса муз обольщали каждого из нас, соблазняли пуститься в неопишуемые полеты фантазии. Мы были совсем еще дети и по наивности не понимали, что на этот обман не стоит обращать внимания. Однако самые сильные духом быстро поняли, что для того, чтобы и дальше идти путем праведности, нужно отказаться от глупых соблазнов и воображаемых миров, пока наши страсти не вырвались на свободу и не одичали, пока мир не заметил нашей странности. Не слушайте муз!

Я морщусь, и матушка тоже.

— Чтобы спастись от греха, — продолжает епископ, — нужно отказаться от театра и других вульгарных развле-

чений — игры в карты, вальсов, непристойной музыки, литературы, преисполненной похоти и написанной обреченными на адские муки гедонистами вроде Лорда Байрона в последние его годы...

Боже правый, ну это уж слишком! И дело не только в том, что я считаю поправление памяти Байрона отвратительнейшим кощунством, но еще и в том, что не далее как вчера отец кричал на меня, призывая задушить в себе музу поэзии. Он колотил меня с такой силой, будто надеялся выбить из меня страсть к стихосложению до моего отбытия в университет, запланированного на грядущую неделю, а еще осыпал меня оскорблениями.

— Образ жизни художника неизменно влечет за собой беспорядочные половые связи, пьянство и иные развратные деяния, — продолжал епископ. — Четырнадцать лет назад, в конце декабря, Господь засвидетельствовал разврат в наших рядах. Он увидел страсть к азартным играм, проституцию, театральные представления, богохульство, царящее среди актеров, которым в этом городе оказали радушный прием. На этом самом месте, перед полным залом взрослых и детей из всех слоев ричмондского общества — богатых и бедных, темнокожих и белых, христиан и евреев, — театральная труппа «Плэйсид-энд-Грин» показала пантомиму под названием... — прежде чем произнести название того рокового спектакля, который показывали актеры, когда пламя охватило театр, епископ вытер лоб носовым платком и поморщился, — «Кровавая монахиня».

Матушка стыдливо качает головой, сожалея о столь неудачном заголовке, словно она и есть тот драматург, что его придумал. Громадная фигура судьи Брокенбро содрогается прямо передо мной. Епископ Мур бросает хмурый взгляд в мою сторону, но я изо всех сил борюсь с желанием испуганно съежиться, ведь я сын двух актеров труппы «Плэйсид-энд-Грин», пусть и уже взрослый и давно осиротевший, и все в церкви об этом прекрасно знают.

— Господь покарал наш город за порочность огнем и страданиями, — говорит епископ, и в глазах у него поблескивают слезы. — Он призвал нас возродиться из пепла и возвести этот дом молитвы на месте бывшего ада, чтобы мы не забыли своих грехов, из-за которых и произошла та страшная трагедия. И если мы еще раз отклонимся от пути святости, Господь вновь нас накажет. Господь. Вновь. Нас. Накажет. — Епископ поднимается, вытягивается в полный рост и хватается за подлокотники, будто за штурвал шхуны, плывущей через Атлантику. Кстати, вид у него и впрямь такой, словно его одолел приступ морской болезни: губы заметно побледнели и сморщились, но он собирается с силами и громогласно повторяет: — Не слушайте муз!

После службы, пока знатные члены епископальной церкви Ричмонда надевают шляпки и плащи, матушка отходит в сторонку, чтобы обсудить с приятелями какую-то благотворительную задумку, а я остаюсь один в проходе между рядами.

— Эдди, — зовет меня знакомый женский голос откуда-то слева.

Тяжелое чувство, появившееся у меня от проповеди епископа, тут же испаряется, когда я вижу неподалеку, за другими прихожанами, мою милую Сару Эльмиру Ройстер, которая вообще-то обычно ходит в пресвитерианскую церковь. На ней атласное синее платье под цвет глаз, она тепло улыбается мне и машет. Волосы у нее зачесаны назад и лежат на плечах крупными каштановыми локонами на вид нежнее шелка. В отличие от остальных девушек, она не любит мелкие завитки над ушами.

Я тоже откидываю кудри со лба и улыбаюсь ей.

— Что вы здесь делаете, Эльмира?

— Пришла на службу вместе с Маргарет Уилсон и ее семьей. Очень хотела вас повидать.

Она пришла, чтобы со мной увидеться! От переполнившей меня благодарности я и слова не в силах вымолвить. Беру ее за руку, притягиваю к себе, а голова так и кружится от пьянящего аромата ее «сиреневого» парфюма.

— Не так близко, Эдди! — Она беспокойно оглядывается. — Отец велел миссис Уилсон присматривать за мной. Сможем ли мы встретиться где-нибудь наедине до... — она тербит золотую цепочку на шее, на глазах выступают слезы, — ...до вашего отъезда в Шарлоттсвилль?

— Разумеется! — Я ласково глажу пальцем тыльную сторону ее изящной ладони в перчатке. — Я собирался сегодня вас навестить. У меня для вас подарок.

— Сегодня родители весь день будут дома. А мне бы хотелось, чтобы нам с вами никто не мешал.

— Тогда можем встретиться после, в саду, но позвольте мне всё же нанести вам визит. Мы с отцом вчера сильно повздорили, и из-за этой ссоры я лишился сна и спокойствия. А от проповеди епископа мне стало только хуже...

— Прошу, слушайте свою музу! — с чувством просит она. — Мне кажется, нет никакого греха в сочинении стихов, которые так мне нравятся!

— Мне не терпится покинуть Ричмонд и прервать эту муку, но мысль о расставании с вами невыносима!

Эльмира склонила ко мне свое прекрасное лицо.

— Я буду безумно по вас скучать.

— Наша разлука истерзает мне сердце.

Она слабо улыбается и смахивает слезы со щек.

— Кажется, в вас заговорила романтическая муза!

— Тс-с! — шикаю я и оглядываюсь. — А то кто-нибудь услышит, что я сочиняю стихи в церкви!

Мы оба прыскаем со смеху.

— Вы миссис Уилсон не видите? — спрашивает Эльмира. — Никто за нами не следит?

Я внимательно оглядываю толпу прихожан — выходцев из старых и знатных ричмондских родов — белоко-

жих, разодетых в шелка и драгоценности сплетников, в жилах которых течет кровь, не уступающая по изысканности вину из самого Бордо и совсем не похожая на мою, плебейскую и презренную, — во всяком случае, я в этом искренне убежден.

— Нет, не вижу, — отвечаю я, и наши взгляды встречаются.

Эльмира смотрит на меня, но не замечает таящихся внутри меня уродства и мерзости, свойственных людям моего происхождения.

— Мне будет не хватать ваших прекрасных глаз, которые словно и сами не могут решить, какого они цвета: серого, голубого или фиалкового, — говорит она слегка осипшим от нахлынувших чувств голосом. — И вашей улыбки. Когда вы не погружены в пучину тоски, на ваших губах расцветает самая красивая улыбка на свете.

Сглатываю комок, подступивший к горлу, и склоняюсь к ее правому уху.

— Я хочу на вас жениться, Эльмира. Вы выйдете за меня?

Она замирает, и я тоже застываю у ее уха, боясь ответа, боясь увидеть выражение ее лица. Закрываю глаза, трусь щекой о ее щеку и погружаюсь в грезы о нашем будущем: о домике у моря, где каждая комната уставлена шкафами с книгами, а в воздухе разлиты ароматы чернил и акварели, о благодатных вечерах, когда мы будем сидеть за роялем и играть вместе, о ласковом тепле Эльмиры, которая возьмет мою руку в свою, перед тем как мы мирно уснем бок о бок.

— Отец не допустит нашей помолвки, — наконец говорит она.

— Да, знаю, он считает меня плохой партией...

— Дело вовсе не в этом. Мы еще так молоды. Мне и шестнадцати нет, Эдди. А вам едва исполнилось семнадцать.

Стискиваю зубы и распрямляю плечи.

— Ваш отец изменит свое мнение, когда увидит, чего я достигну.